

СЛЕДЫ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО ЕЩЕ НЕТ

[интервью с Иваном Ефремовым]
Техника-молодежи. 1967. № 10. с. 22-25.

За основу взят текст, размещенный по адресу <http://noogen.narod.ru/iefremov/interview.htm>, который был опубликован в сборнике ФАНТАСТИКА 1969-1970. (Сост. Р. Подольный. М., "Молодая гвардия". 1970) . Этот текст приведен в соответствие с печатным оригиналом журнала.

— ВАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ГРЯДУЩЕГО?

- Для меня социально-экономические проблемы будущих десятилетий, столетий, даже тысячелетий неотъемлемы от психолого-этических проблем. Почему? Мир раздираем великим множеством великих и малых противоречий, решение которых не под силу человеку, некоммунистически воспитанному. Коммунистическое воспитание — вовсе не социальная надстройка, как мы думали раньше. Это производительная сила общества. Подобно тому, как экран мгновенно увеличивает изображение в кинопроекторе, такое воспитание позволит во много раз повысить производительные силы будущего общества. **Если ставить пределы, лимитировать предприимчивость и инициативу, мы неизменно убиваем в зародыше самостоятельность мышления, как, может быть, и полет фантазии.**

— ЗНАЧИТ ЛИ ЭТО, ЧТО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРЯДУЩЕГО МОГУТ СУЩЕСТВЕННО ОТЛИЧАТЬСЯ ОТ НЫНЕШНИХ?

— Некоторые экономические проблемы, решаемые сегодняшним человечеством, — всего лишь вопросы экономических излишеств, конечно, для высокоразвитых стран. Ежегодные эпидемии смены одежды, погоня за модными вещами как естественное следствие боязни показаться консервативным во вкусах, тысячи сортов вин, яств, напитков — весь этот современный антураж вовсе не обязательно захватывать с собой в будущее. Пока еще он скрашивает нам бытие, но в дальнейшем, когда жизнь наша станет значительно интереснее, мне кажется, что "пищевкусовые" и "модные" проблемы постепенно отомрут.

— А НЕ ПРИВЕДЕТ ЛИ ЭТО СО ВРЕМЕНЕМ К НЕКОТОРОМУ АСКЕТИЗМУ ОБЩЕСТВА?

— Некоторый аскетизм — не такое уж страшное зло, как многим кажется. Человек должен самоограничивать себя. Ведь если дать неограниченную волю в удовлетворении потребностей, человечество вскоре превратится в огромный разноязыкий театр бытовой трагедии. Попробуйте подарить обывателю пятисотсильный "фиат" из чистого серебра. "Хочу золотой или из платины", — изречет обыватель. — А у соседа вот мебель черного дерева, а у меня только, мол, красного..." И так далее, до бесконечности, ибо такого рода запросам предела нет. Тут даже у доброго джинна из сказки опустили бы руки. Следовательно, вопрос не в том, чтобы насытить мир предметами роскоши, но в том, чтобы переводить эти потребности человека на все более и более высокую духовную ступень. Чтобы человек мог легко обойтись без модной побрякушки, без наливки и настойки, пусть даже вкусных, но зато чтобы он задышался от жажды воплотить в образы слова, звуки, краски. От жажды творчества.

Эта проблема двусторонняя: мы должны наращивать аскетизм по мелким потребностям и наращивать потребности в более высоком, я бы сказал, высшем плане.

Тем более что пределов этим "высшим" потребностям нет и никогда не будет. Таково свойство нашего разума, всей человеческой природы. Едва постигнув мыслью туманность Андромеды, я невольно стремлюсь дальше, уже мне хочется объять Галактику, несущую на Землю свет из чудовищной дали 150 миллионов парсек. Кому бы не хотелось вырваться из пределов земного, солнечного, галактического тяготения? Кого не будоражат идеи иных, неземных форм существования? Примем за истину, как оно, очевидно, и есть, что мы сейчас стоим на краю бесконечности — бесконечности в смысле множественности миров, огромного количества явлений и, значит, беспредельности познания. Следовательно, у нас, у разумных существ, обживающих Землю, неисчерпаемая возможность для удовлетворения наших духовных потребностей. И если, реализуя эту возможность, мы станем вдобавок ко всему пропускать слова, звуки и краски сквозь свое сердце, превращать все в искусство — тогда и само искусство будет многогранным, бесконечным, как вселенная.

— ОТРАЗИТСЯ ЛИ ТАКОЕ КАЧЕСТВЕННОЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ НА СЕМЬЕ БУДУЩЕГО, НА ВОСПИТАНИИ ЧУВСТВ?

— Мне представляется абсолютно неизбежным расширение семьи. Расширение именно в том плане, как нас учили классики марксизма.

Пока что семья (к сожалению, и советская) нередко растит все-таки индивидуалистов. Если говорить о воспитании коллективном, о воспитании в школе, в закрытых интернатах — такое воспитание у нас еще несовершенно. Не сомневаюсь, что будущее — за коллективным воспитанием, за воспитанием детей вне семьи, или, во всяком случае, на первой ступени в расширенной семье.

Вовсе не обязательно, чтобы именно дяди и тети стали первой ступенью в коллективном воспитании. Главное — чтобы ребенок мог вырваться из узкого, ограниченного мирка своей семьи, чтобы он мог расти в товарищеском коллективе, чтобы имел возможность свободно перекочевывать из города в город, из квартиры в квартиру.

Первостепенная задача общества будущего — выбить клин, который отделяет ребенка в семье от внешнего мира, позволяя ему думать о себе как о какой-то несколько привилегированной единице, претендующей на особые права.

Сомнительно, чтобы человек вырос индивидуалистом, когда чуть ли не с первых дней своего существования в обществе он понял, осознал, что мамы и папы для него практически все женщины и мужчины, что абсолютно все соотечественники заботятся о нем.

А дальше — совсем уже нетрудно перейти к широкому коммунистическому воспитанию в больших школах, в таких, о каких я мечтал в "Туманности Андромеды".

Теперь о воспитании чувств. В этой важнейшей области общественной жизни положение явно неблагоприятно. Мне кажется, в последние годы корабль человеческого общества дает все больший крен в сторону технических наук, технического образования. Мир одержим верой во всемогущество науки. Многим кажется, что наука и только наука разрешит в жизни решительно все вопросы.

Я бы согласился с этим, если бы была создана наука чувств, если бы существовала академия Горя и Радости. Увы, покамест научные дисциплины ограничиваются изучением чисто внешних проявлений человека, интересуются только конечными результатами его труда. Представьте себе, что ученый бьется над тайной искусственного получения белка. Какие прозрения осеняют его бессонными ночами! В какое отчаяние порою впадает он, когда после месяцев, лет, десятилетий мученического труда проблема по-прежнему не решена! И вот наконец победа, хотя чаще всего бывает наоборот. Что он чувствует? Он радуется? Он плачет? Для науки это не имеет никакого значения. На ее скрижалях эта трудная победа уже записана бесстрастным языком математических значков и формул.

"Не важны поиски, важны находки" - вот девиз современной науки, ее достоинство и ее огромнейший пробел.

Если говорить о науке как о воспитании личности, о ее влиянии на формирование психики нового человека, то это влияние очень однобокое. Наука, с одной стороны, дисциплинирует мышление, приучает к логике, к экономии мыслей, учит идти прямо к цели, не разбрасываясь. Но существует обратная сторона: наука прежде всего обедняет многогранность ощущения мира. И эта многогранность непрерывно стирается по мере того, как науки разветвляются и углубляются в те или иные предметы.

И вот результат, на мой взгляд, почти катастрофический: неожиданно для нас сложность мира превысила наши возможности накопления и хранения информации и обработки. Эта сложность мира до такой степени сейчас очевидна, что закрывать глаза на нее становится не так-то легко. Подсчитано: самый добросовестный, самый усидчивый человек не сможет прочесть за всю свою сознательную жизнь свыше 10-12 тысяч книг. Нечего и говорить, что 200 тысяч работ в год, печатаемых по химии, 90 тысяч по физике, около 120 тысяч по биологии — совершенно неодолеваемая для простого смертного система получения и хранения информации. Получается, что люди строят некую вавилонскую башню; и чем выше поднимаются ее этажи, тем она расходится все шире и шире. Конструкция современной науки представляет собой перевернутый конус, балансирующий на вершине. А это, как известно, чрезвычайно неустойчивое сооружение. И оно очень скоро рухнет, если человечество не научится не только углубляться, но и обобщать информацию какими-то новыми методами.

Вспоминаю себя: благодаря очень хорошей памяти я усвоил в школе довольно многое. Потом мне пришлось быть и горным инженером, и моряком, и геологом, и палеонтологом, и, наконец, я стал писателем. Но вся информация, вынесенная из школы, была полезна для меня лишь таблицей логарифмов и, конечно, иностранным языком. В то же время множество самых разнообразных и важных практических сведений пришлось брать из самой жизни, постоянно сожалея, что азы школы слишком сухи и величественны по сравнению с запросами действительности. Не берусь отыскать панацею от всех бед и проблем нынешнего образования, однако уверен: **воспитание в будущем станет более универсальным и, главное, более гармоничным.**

— ВЫ ПРАВЫ: ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ ИНФОРМАЦИИ УЖЕ ПОДПИРАЕТ СЕДЬМОЕ НЕБО. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ЭТОГО НЕПРЕРЫВНОГО РОСТА?

— Я не открою ничего нового, если повторю: мир издревле противоречив. Но в XX веке эти противоречия разрастаются подобно цепной реакции. Растут ритм, динамика жизни, темпы информации, науки — прерывистый пульс планеты увеличивается по экспоненциальной кривой. В этом стремительном поле всеобщей спешки многие проблемы очень часто оборачиваются для нас совсем не тем, чем они сначала представлялись. Возьмем такую проблему, как, скажем, сердечно-сосудистые заболевания, борьба с инфарктами, которые американцы назвали "убийцей № 1". Лечение их, конечно, дело первостепенной важности. Однако врачи недаром говорят, что гораздо проще устранить причину заболевания, чем тратить силы и средства на лечение. С этой гуманной точки зрения давайте посмотрим на "убийцу № 1" как на производную городского существования, как на зло сидячего образа жизни с большими нервными и физическими нагрузками. Эти стремительные перепады ритмов, эти бесконечные спринтерские рывки на стайерской дистанции, чутко воспринимаемые нетренированным сердцем, — вот главная причина огромного количества заболеваний.

Выход один: только упорядочение физического развития человека может вообще снять необходимость всех этих хитрых операций на сердце, осушить реку лекарств, ежедневно выпиваемых человечеством. Разумеется, я не противник лекарственных снадобий. Достаточно вспомнить, что именно стрептомицин привел к исчезновению, во всяком случае, сильному уменьшению туберкулеза. Великолепные высокогорные санатории в Швейцарии ныне пустуют, а ведь в начале нашего века они были забиты до отказа больными. Хочется надеяться, что в будущем подобная участь постигнет все лечебные учреждения в мире.

— НО ВЕДЬ ДАЖЕ В БУДУЩЕМ ОСТАНУТСЯ НЕРЕШЕННЫМИ НЕКОТОРЫЕ ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ: СВОБОДА И ДОЛГ, НАПРИМЕР, ДОБРО И ЗЛО...

— Мне кажется, что одной из самых важных проблем, которая не снимется и у весьма отдаленных поколений, будет именно психологическое исследование мотивировки поступков и глубокого анализа их причин. Разумеется, не в порядке бихевиоризма. Есть такое течение (оно во многом смыкается с фрейдизмом), которое вообще оправдывает поведение человека, по большей части неблагоприятное. Оправдывает какими-то атавистическими инстинктами, какими-то древними психологическими пережитками, подсознательными эмоциями. Вспомним, сколько романов написано на тему о том, что человек низок, гадок, что человек есть убийца, что он с трудом подавляет в себе изначальное желание убивать, разрушать, уничтожать.

Именно для того, чтобы парализовать все эти псевдоученые разговоры и мнимые научные обоснования, мы и должны разрабатывать свою психологическую науку, которая должна опираться на философское осмысление мира. Разрабатывать ее в том направлении, чтобы показать человеку правильный путь развития своих склонностей, анализировать ошибки, устанавливать их причины и, так сказать, закрывать его на ключ от всего дурного, аморального. Это очень важно. Только тогда в мире переведутся изуверы, преступники, маниакальные ученые, которые ради своей науки готовы пожертвовать весьма многим. И мне не раз приходилось слышать такого рода рассуждения: "Ну, подумаешь там, пострадало несколько человек, зато выяснена такая-то проблема". Подобные разговоры бесчеловечны и аморальны с точки зрения коммунистического воспитания. Мне могут бросить упрек в морализаторстве, в суровости: бывают же, скажем, случаи, когда исследователь во имя науки решается пожертвовать жизнью. Отвечу: одно дело благородный порыв, подвиг на благо человечества. Но если человек позволяет себе решать вопросы жизни и смерти за других, если он считает себя правомочным на рискованный опыт или направление исследований, — такой человек независимо от чинов и званий аморален. Его надо психологически исследовать и постараться устранить те психопатические причины, которые сделали его бесчеловечным.

Разные ученые и мыслители в разные времена задавали себе и миру вопрос: каков критерий нормальной психологии? Творческий экстаз, фанатичная увлеченность любимым делом, одержимость гениальной идеей, — где здесь грань между нормальностью и психопатией?

Единственный критерий — общественное поведение человека. Его забота о ближнем, о счастье людей. Все другое, что не связано с человеколюбием, — более или менее замаскированные честолюбивые устремления, завуалированный практицизм, растворенный в красивых словах эгоизм.

— КАКАЯ ИЗ ПРОБЛЕМ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННОЙ?

— Свобода и долг в любви. Этот вопрос диалектичен, как и все в мире. С одной стороны, если говорить о чувствах свободного человека коммунистического общества, любовь и отношения мужчины и женщины должны быть абсолютно свободны. Принципиально новая семья, семья коммунистического общества — это брак двух любящих людей, не связанных экономическими обязательствами по отношению друг к другу. **Важнейшая предпосылка для создания подобного союза любящих сердец — коллективное воспитание детей — совершенно необходимая ступень к человеку будущего.**

Вместе с тем нельзя не думать о том, что такая свободная семья, как и всякая свобода, подразумевает ответственность, причем в очень широком плане. Не только в личном, не в отношении любимого человека, а в отношении всего народа, государства — а так как я уверен, что коммунистическое общество охватит все человечество неизбежно, — то и всего человечества.

Эта ответственность касается прежде всего вопросов рождаемости и генетической заботы о будущих поколениях.

Это нелегкий разговор, ибо он затрагивает самые коренные вопросы нравственности, вопросы взаимоотношения полов. Но рано или поздно такой разговор все

равно пришлось бы начать. Хочу лишь добавить, что, само собой разумеется, цель коммунистической заботы о будущих поколениях не включает в себя решительно никаких понятий расовых превосходств, чистых линий и так далее. Единственная задача, всеобъемлющая и гуманная — предотвратить возможные жизненные драмы, заведомо гарантировать человеку долгие годы физически и нравственно здорового существования.

— *ПОМИМО ПОНЯТИЯ "ДОЛГ В ЛЮБВИ", ВЫ УПОМЯНУЛИ "СВОБОДУ В ЛЮБВИ". ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ГЛАВНОЕ В ЭТОМ ВОПРОСЕ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К БУДУЩЕМУ?*

— Вы задали один из тех вопросов, на которые даже спустя тысячу лет никто не сможет дать окончательного, однозначного ответа. Это и понятно: любовь — высшее проявление чувства, которое не только сложно и богато, но и, диалектически, просто и бедно. Страшно сказать, но ведь побудительной причиной влюбленности может быть просто уровень напряженности гормонов в крови. Эта напряженность очень часто ведет к ошибкам и ляпсусам в любовных отношениях. Мне кажется, что любовь будущего должна научиться господствовать над нашей половой сферой, которая, надо сказать, достаточно мощна. Первым противодействием половому влечению является мозг, разум. Именно он непрерывно бомбардирует себя мгновенными вопросами: а зачем это? а к чему это? да будет ли это хорошо? да подойдем ли друг к другу? опять покупать цветы? вести в кино? сидеть всю ночь на скамейке? и т. д. и т. п. Человеческий разум весьма мощен. Природа создала его таковым с целью сбалансировать необычайно мощную половую систему. Мало кто знает, например, что продукция половых гормонов у человека во много раз больше, чем у бегемота? И уж если возникает разлад между свободой и долгом, если начисто забываются такие понятия, как воспитание, вкус, мечта, образование, если начинается примитивное и грубое давление на половые сферы, — тогда нетрудно стать игрушкой в руках собственного безволия. Человечеству важно высвободиться от этого рабства, получить возможность регулировать эрос вместе с любовью. Такое высвобождение необходимо для красоты и свободы любви будущего.

— *ТО И ДЕЛО ВСПЫХИВАЮТ СПОРЫ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ. НЕКОТОРЫЕ СТОРОННИКИ "МАШИНИЗАЦИИ" ВДОХНОВЕННО УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО МАШИНЫ ЖДЕТ ЭВОЛЮЦИЯ, ПОДОБНАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРОБЛЕМА "МАШИНА — ЧЕЛОВЕК"?*

— Теперь созданы машины, которые поднимаются до уровня человеческого мозга, или, как стало модным говорить, мыслят. И вот уже идут разговоры, что, мол, царь природы мыслит медленно, а машина в два счета справляется с самыми хитроумными задачами, что если дело и дальше так пойдет, то со временем машина выйдет из повиновения, заживет по своим собственным законам.

Я не разделяю оптимизма сторонников "машинизации". Если уж говорить о состязании, то это состязание орла с дельфином. При всем желании тут нельзя отыскать единого эквивалента для оценки. Потому как машина — всего лишь дура, которая отличается чудовищной способностью к счету. Разве нет психопатов, которые в мгновение ока извлекают [корень 27 степени из] "803672009547881437547820764178910742219" и производят тому подобные манипуляции. Но разве такие люди сколько-нибудь богаче любого нормального человека: по ощущению мира, по восприятию любви, искусства? И уж гениями назвать их никак нельзя.

Говорить о соотношении машинной и человеческой памяти вообще бессмысленно. Достаточно вспомнить, что одна-единственная половая клетка объемом в несколько долей кубического микрона, несет в себе всю сложнейшую информацию создания человека. Такая упаковка могла быть достигнута природой только в тяжелейшей борьбе с окружающими условиями на протяжении миллиардов лет. Но эти миллиарды лет не прошли бесследно. Они все хранятся в нашей подспудной, в соматической информации, которую мы теперь все больше понимаем. Этой информацией машина не обладает. Не обладает и интуицией, ни возможностью перекидывать ассоциативные мосты и, думаю, никогда ими обладать не будет. Бессмысленны попытки создать машину, заменяющую человеческий мозг, если в одном только мозжечке чуть ли не 100 миллиардов нервных клеток. В мозжечке, который даже не мыслит, а только управляет движениями тела.

Гигантская сложность человека — вот аргумент, позволяющий говорить о том, что соревнование его с машиной не равноценно. **И чем дальше мы изучаем человека, способы нервной деятельности, его регулировки, его мышления, тем больше открываем в себе новые и новые, подчас удивительные способности.** Так что применительно к машине термин "состыязание" смело можно заменить на "содружество".

— ВАШИ ВЗГЛЯДЫ ПО ВОПРОСУ О КОНТАКТАХ С ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ДОСТАТОЧНО ОПРЕДЕЛЕННО ИЗЛОЖЕНЫ В ВАШИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ. С ТЕХ ПОР ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ. ОЧЕВИДНО, ЗА ЭТИ ГОДЫ ВЫ НЕ РАЗ ЗАДУМЫВАЛИСЬ НАД ЛЮБИМОЙ ПРОБЛЕМОЙ. ПОДЕЛИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕКОТОРЫМИ СВОИМИ МЫСЛЯМИ.

— Я не представляю себе дальнейшего развития человечества без его выхода на дальние рубежи космоса, без контакта с другими цивилизациями. Все разговоры относительно того, что мы якобы не поймем другие цивилизации, возникшие на других планетах, в других условиях, мне представляются беспочвенными. Упускают из виду очень важную закономерность: вселенная построена по одному плану, из одних и тех же кирпичей-элементов, с одними и теми же свойствами и законами.

Человеческое сознание, мысль, мыслящая материя строится с учетом этих законов, исходя из них, является их продуктом, их отражением. Поэтому мы обязательно поймем, мы не можем не понять друг друга. Что касается области чувств, сферы искусства — такого рода контакты сначала будут нелегки. Мне кажется, что начальные общение и взаимопонимание пойдут прежде всего по научно-технической линии, по пути обмена информацией. И потом уже вместе с нашими звездными братьями мы станем подниматься на все более высокие ступени взаимопонимания в области чувств. Как я представляю себе подобные контакты?

В этом отношении я согласен с Фредом Хойлом, который говорит о том, что ключ к первому знакомству с неземными мыслящими существами — прежде всего использование теле-, радио- или других, принципиально новых видов волновых колебаний, звездные передачи. Кстати, такая идея еще до Хойла была высказана мною в "Гуманности Андромеды", где в день Великого Кольца цивилизации, разделенные многими десятками и сотнями световых лет, обмениваются информацией, не вступая в непосредственное общение друг с другом, используя галактическое телевидение.

Кроме того, я уверен, что мы найдем обходной путь через пространство и время. На это уже теперь есть некоторые указания в науке. Мы не будем проламываться сквозь бездны космоса на наших старомодных ракетах, сжигая чудовищное количество топлива. **Мы заполним просторы вселенной земными аппаратами, использующими**

принципиально иные виды движения и энергии. Они придут на смену ракетным, атомным, даже термоядерным двигателям, подобно тому как паровой котел заменила турбина, двигатель внутреннего сгорания и электрический двигатель.

Не сомневаюсь: земляне отыщут другие пути в мирозданье. И тогда даже самые далекие звездные цивилизации окажутся от нас на расстоянии протянутой руки.
